

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 008

EDN XOKLKT

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330>

Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России

И. В. Леонов ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2

Для цитирования: Леонов, И. В. (2025) Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 318–330. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330> EDN XOKLKT

Получена 30 октября 2025; прошла рецензирование 20 ноября 2025; принята 25 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. В. Леонов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье даётся характеристика исследовательской деятельности, направленной на изучение истории культуры России. Отмечается, что оформление и упорядочивание наших представлений об истории отечественной и мировой культуры, логике её развития и особенностях динамики необходимо соотносить с «точкой актуального времени», с различными аспектами современности, в рамках которых мы осуществляем интерпретацию и построение моделей истории. Раскрывается технологический и программирующий потенциал моделей истории культуры, в частности, их ценностно-ориентационный и воспитательный аспекты. Подчёркивается, что представление об истории национальной культуры имеет стратегическое значение для формирования национальной идентичности, культурной и исторической памяти. В тексте приводится анализ современных практик изучения истории культуры России в контексте различных дисциплин, теоретико-методологических подходов и способов фокусировки на тех или иных гранях историко-культурной реальности. Даётся характеристика макроисторического ракурса изучения истории культуры России. Уделяется внимание дисциплинарным направлениям данной исследовательской области, включая историческую науку, этнографию, фольклористику, историю искусства и др. Раскрываются некоторые культурологические направления изучения данной проблематики, в том числе деятельностное, аксиологическое, семиотическое, гештальт-культурологическое и др. Приводятся примеры теорий, соответствующих тем или иным исследовательским векторам, в частности, труды А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, П. А. Сорокина, И. Е. Забелина, Б. А. Рыбакова, Л. Н. Гумилёва, А. С. Ахиезера, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Д. С. Лихачёва, Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, И. В. Кондакова и др. Предлагается ряд параметров, сочетающих различные пространственно-временные рамки истории, её модель и ритмики смены эпох, которые могут быть положены в основу современной интерпретации истории культуры России.

Ключевые слова: история культуры России, макроистория, большая история, бинарный тип культуры, цивилизация, динамика культуры

Cultural history of Russia: Research perspectives and theoretical models

I. V. Leonov

¹ St. Petersburg State Institute of Culture, 2 Dvortsovaya Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Leonov, I. V. (2025) Cultural history of Russia: Research perspectives and theoretical models. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 318–330. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330> EDN XOKLKT

Received 30 October 2025;
reviewed 20 November 2025;
accepted 25 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. V. Leonov (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY License 4.0](#).

Abstract. This article describes the field of research focusing on the history of Russian culture. It argues that the formulation and systematization of ideas about the history of Russian and world culture, the logic of its development, and the peculiarities of its dynamics must be correlated with the ‘current point in time’ and with various aspects of modernity, within the framework of which models of history are interpreted and constructed. The article explores the technological and programming potential of models of cultural history — in particular, their value-oriented and educational aspects. It emphasizes that the perception of the history of national culture is of strategic importance for the formation of national identity, as well as cultural and historical memory. The article analyzes contemporary practices of studying the history of Russian culture in the context of various disciplines, theoretical and methodological approaches, and ways of focusing on certain aspects of historical and cultural reality. It describes the macro-historical perspective of studying the history of Russian culture, addressing contributing disciplines such as history, ethnography, folklore studies, art history, and others. Additionally, it examines culturological approaches to this issue, including activity-based, axiological, semiotic, and Gestalt-culturological frameworks. Examples of theories corresponding to various research vectors are provided, in particular, the works of A. Toynbee, N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, P. A. Sorokin, I. E. Zabelin, B. A. Rybakov, L. N. Gumilev, A. S. Akhiezer, Y. M. Lotman, B. A. Uspensky, D. S. Likhachev, E. S. Markaryan, M. S. Kagan, I. V. Kondakov, and others. A number of parameters are proposed that combine various spatio-temporal aspects of history, its model, and the rhythms of era changes, serving as a foundation for a modern interpretation of the history of Russian culture.

Keywords: Russian cultural history, macrohistory, grand history, binary type of culture, civilization, cultural dynamics

Изучение истории отечественной культуры, её своеобразия, траекторий развития, многообразия региональных проявлений и других аспектов представляет довольно сложную и интересную исследовательскую область, которая носит междисциплинарный характер и затрагивает предметные поля таких наук и философских дисциплин, как культурология, историософия, история, историческая культурология, этнология, история искусства, фольклористика и некоторые другие. Отметим, что вопрос выбора теоретической модели истории культуры имеет значимость не только для структурирования и упорядочивания её прошлого. В первую очередь, то, как мы смотрим на историю отечественной культуры, важно для нас *здесь и сейчас*. Выбор соответствующих теоретических оснований, упорядочивающих историко-культурную реальность, влияет на нас как носителей особой формы идентичности, исторической и культурной памяти. То, как мы видим историю, формирует нашу картину мира

в её пространственно-временных проекциях, понимание нашей роли в мировом историко-культурном процессе, задавая ценностно-смысловые векторы будущего.

Сегодня, когда культура России обрела новую форму стабильности, когда образовался культурный монолит, сменивший хаос переходного времени постсоветского периода, когда Россия интегрируется в пространство многополярного мира, являясь одним из идеологов такого мироустройства, очень важно чёткое и ясное понимание логики и траекторий истории отечественной культуры и мирового культурно-исторического процесса. Это особенно значимо сегодня, в контексте *точки актуального времени*, когда особую роль начинает играть определённость многих мировоззренческих вопросов, не получивших ответа в постмодернистском дискурсе, — сведение идеи и логики истории к «игре нарративов» и симуляциям, особенно в 1990–2000-е гг., породило тенденцию её нивелирования и обесценивания.

Оформление и упорядочивание наших представлений об истории отечественной и мировой культуры, логике её развития и особенностях динамики требует ответа на ряд вопросов: *В чём особенности изучения истории культуры? Почему важно знать историю культуры Отечества? С чего она начинается? Какой временной интервал она охватывает? Какие пространственные рамки и сферы в неё включаются? Какие периоды в ней присутствуют и по какому принципу они фиксируются? Какой «рисунок» она имеет, и по какому закону выстраивается её модель? В каком состоянии и на каком этапе развития мы находимся в настоящее время? Каковы перспективы развития нашей культуры?* Кроме того, интерес представляет историография изучения отечественной культуры, включая исследовательские ракурсы, которые предпочитали те или иные учёные. Наконец, особую значимость имеет критический анализ соответствующих теорий на предмет их ценностно-смыслового и программирующего потенциала. Во многом поставленные вопросы носят историософский характер. А ответы на них задают контур восприятия культурно-исторического процесса. В этой статье мы постараемся пролить свет на некоторые из поставленных вопросов.

Говоря об истории культуры, сразу необходимо определиться с предметной областью, которую она изучает. В первую очередь подчеркнём, что у истории культуры, как и у истории (исторической науки в её классическом понимании), один и тот же предмет изучения — история человечества. И во многих случаях история и история культуры имеют очень тесные связи, общие зоны и точки пересечения. Однако в данных дисциплинах имеются и свои предметно-познавательные акценты, и особенности, которые складывались на протяжении времени и могут быть объяснены через анализ историко-научного контекста, в котором они формировались.

Так сложилось, что *классическую историю* во многом интересует хронология событий, их фиксация, документирование, последовательное изложение и интерпретация. При этом в исторической науке традиционно делается акцент на политических и экономических процессах, макроисторических событиях и эпохальных сдвигах, включая выявление цепочек причинно-следственных связей. Критикуя такой ракурс исторической науки, многие исследователи, такие как О. Шпенглер, Л. Февр и Ф. Бродель, отмечали относительную узость охвата реальности историками, от которых ускользали

многие грани бытия человека, оказывающие влияние на исторический процесс.

В свою очередь, говоря об *истории культуры* и «исследовательской оптике» её познания, мы также встречаем определённые устоявшиеся способы её фиксации, которые, как и в случае с исторической наукой, вызывают вопросы, рождая дискуссии. Дело в том, что в сложившейся научной традиции, которая берёт своё начало в XIX веке, история культуры порой рассматривается в довольно узком смысле — как история искусства, или несколько шире — как история художественной культуры. Есть и другие способы изучения истории культуры в отраслевом плане — например, в рамках её бытописания, раскрытия особенностей культуры повседневности и в первую очередь тех сфер, которые не затрагиваются исторической наукой, с её акцентом на политико-экономические процессы. Наконец, распространённым способом фиксировать историю культуры является её понимание в зауженных интерпретациях аксиологического подхода, в результате чего история культуры может выступать как история духовной культуры, искусства, интеллектуальной жизни, науки и техники, оставляя за рамками внимания многие значимые грани культуры. Не отрицая эвристического потенциала аксиологической интерпретации, отметим, что анализ культуры возможен и в более широких параметрах — а именно, на уровне её понимания как *способа бытия человека, как системы надбиологических программ*, которые обеспечивают адаптивное равновесие человеческих сообществ со средой, в которой они развиваются. В таком ракурсе история культуры не сводится лишь к истории искусства и художественной культуры, к истории науки, техники и пр., а её предмет может быть достаточно широк и пересекаться с предметным полем исторической и других наук, изучающих те или иные грани социокультурной реальности.

При этом, исходя из того, что культура в широком смысле понимания данного явления может включать все формы и результаты человеческой деятельности, встаёт вопрос: *что именно должна изучать история культуры?* Это особенно важно в современных условиях, когда культура обрела высокую степень сложности и смешения разных форм.

При самом широком взгляде на социокультурную реальность перед нами раскрывается вся целостность бытия человека. И этот охват весьма результативен в изучении традиционных культур, особенно в историческом контуре от первобытности до окончания Средневековья.

Однако в рамках Нового и Новейшего времени, с учётом качественных трансформаций и расширений культуры, названный подход может утрачивать свою эффективность. Дело в том, что, если в современной культуре изучать все её грани и формы проявления (условно говоря — «всё подряд»), то предмет научного анализа становится неохватным. И это обстоятельство ставит задачу поиска тех сфер историко-культурных целостностей, на которые исследователям необходимо обращать внимание в первую очередь. Примечательно, что данное обстоятельство даёт дополнительное основание для актуализации традиции научных фокусировок на каких-либо сторонах культуры, что выражается в сохраняющемся соприсутствии и научной конкуренции теорий максимально широкого охвата культуры и её отраслевых интерпретаций.

Не отрицая эвристической значимости отраслевых форм видения культуры, отметим, что в рамках актуальной на сегодняшний день системной и синергетической методологии культура предстаёт в виде *системы различных элементов*, многие из которых носят весьма значимый характер. К таковым, например, относятся: хозяйственно-экономическая культура, политическая культура, социальная культура, духовная культура, художественная культура и др. Данные элементы находятся во взаимосвязанности и формируют системные целостности, рождая на разных этапах истории своеобразные комбинации и сочетания, окрашивая неповторимым колоритом различные периоды истории. Ещё один способ фиксации системной целостности культуры предложен М. С. Каганом, выделявшим в её системе духовную, материальную, художественную и организационную сферы. Отталкиваясь от данного видения культуры, мы получаем возможность осуществлять анализ различных граней историко-культурной реальности в их системном единстве, что позволяет упорядочить разнообразный материал, отследить векторы отечественного культурогенеза и раскрыть его внутреннюю логику. Среди значимых культурологических работ, посвящённых изучению истории культуры Отечества в представленном макроисторическом масштабе, отметим двухтомный труд М. С. Кагана «Введение в историю мировой культуры», а также уникальный по своему охвату семитомный труд «Поликультурное пространство Российской Федерации», изданный под редакцией Л. М. Мосоловой.

Другой значимый теоретический ракурс в изучении истории культуры России связан с целым рядом вопросов, определяющих макро модель её культурогенеза: включая пространственно-

временные рамки, логику основных ритмик и состав участников данного процесса. В таком ракурсе исследователей интересуют вопросы: *Когда и в каких пределах стала разворачиваться история отечественной культуры? Какими путями и историческими траекториями осуществляется данный процесс? Какие эпохи мы в нём выделяем и какие смыслы вкладываем?* Ответ на данные вопросы носит весьма сложный характер и упирается в целый спектр историософских проблем, рождающих их множественные решения и вносящих определённую путаницу в рассматриваемую сферу познания.

Решая вопрос о выборе модели истории, в первую очередь необходимо ориентироваться на её соответствие объективной историко-культурной реальности. Дело в том, что таковых моделей существует довольно много, и ряд из них, возникнув и проявляя свою эффективность в особых конкретно-исторических условиях, в той или иной степени сохраняют свой познавательный потенциал и в наши дни. При этом процесс научного поиска в указанной сфере рождает и новые теории, всё более усложняя и обогащая представленную область познания. Среди наиболее известных теорий историко-культурного процесса упомянем: циклическую модель Дж. Вико; просветительские модели прогрессивного развития человечества Ж. Кондорсе и Г. Гердера; эволюционные теории развития культуры и общества Ф. Энгельса, Дж. Фрезера и Э. Тайлора; теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского; теории локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби; пассионарную теорию этногенеза Л. Н. Гумилёва; системную концепцию истории Ф. Броделя; системно-синергетическую модель истории культуры М. С. Кагана и многие другие вполне состоятельные теории. Их спектр формирует весьма различные основания для понимания истории культуры, порой рождая крайние точки зрения на природу данного процесса. Например, в рамках проекта Просвещения и формационной теории история предстаёт как прогрессивное восхождение культур ко всё более современным формам в реализации всеобщего исторического закона, что может вести к её унификации. В свою очередь в контексте цивилизационного подхода история индивидуальных траекторий развития её субъектов, реализуемая каждой культурой и цивилизацией в зависимости от складывающихся обстоятельств, может быть интерпретирована как разобщённая и в определённой мере бессмысленная.

Однако несмотря на то, что теорий историко-культурного процесса довольно много, чёткое

понимание сути истории, включая историю культуры, жизненно необходимо и стратегически значимо для соответствующих культур, носителей определённых форм идентичности, культурной и исторической памяти. Помимо того, что разные хроноструктуры и модели облегчают восприятие истории и упорядочивают её, они способны оказывать влияние на чувство общности народов, единства их исторического пути, становятся основой для сотрудничества и межкультурного диалога. Также, необходимо помнить, что программирующий потенциал интерпретации истории может иметь и сомнительные, даже негативные выражения; он может быть средством ведения «войн памяти» и деструктивных манипуляций историческим сознанием.

Как и на предыдущих этапах, нашему обществу необходимо наличие ясных представлений о сущности истории культуры, её моделях и пространственно-временных параметрах, а также перспективах развития. Это обретает особую значимость в контексте актуальной точки сегодняшнего дня, для которой характерно исчерпание фазы постсоветской переходности и оформления новой стабильной культуры России.

В качестве примера высокой степени воздействия представлений об истории культуры на её носителей приведём концепцию бинарности русской культуры и национального характера, получившую довольно широкое хождение в нашей стране после распада СССР и утрачивающую свою актуальность на фоне современных геополитических и внутрикультурных процессов в России. Такое видение истории встречается во многих работах, созданных на постсоветском пространстве и вполне вписывающихся в исторический контекст конца 1980-х — начала 2000-х гг., полных последствий драматизма распада СССР, исторической переходности и неопределённости кризисных процессов. В таких условиях снижалась популярность теорий однонаправленности истории, а также идеи историко-культурного прогресса. В свою очередь актуализировался цивилизационный подход, а также циклический ракурс изучения динамики отечественной культуры, с акцентом на сложные периоды исторических «сдвигов» и перемен, которые нарушали её спокойный и однонаправленный генезис. Особый интерес учёных стала вызывать последовательность переходных периодов и кризисов в истории отечественной культуры XVIII — конца XX вв., которые носили либо резкий, либо вовсе разрушительный характер.

Например, указанный исследовательский ракурс представлен в теории А. С. Ахиезера. В основу истории культуры учёным был положен воспроизводственный принцип и признание того, что периодизация истории определяется сменой ценностных ориентаций общества. По мнению учёного, существует две логические формы динамики культуры, в основе которых лежат соответствующие типы мышления, — «инверсия» и «медиация». Автор отмечает, что для инверсионного типа характерно оперирование готовыми результатами мышления, ранее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция. Данная логика порождает в обществе противоположные, полярные позиции по отношению к пониманию тех или иных ценностей, идеалов, поступков. Господство инверсии открывает путь быстрым, логически мгновенным переходам от настоящей ситуации к идеальной, от одного полюса к другому, моментально пробуждая противоположные стремления. Логика медиации, наоборот, предполагает поиск меры между полюсами. Медиация нацелена на формирование некоторого третьего состояния, преодолевающего противоположность полюсов. Как инверсию, так и медиацию А. С. Ахиезер рассматривает как циклические акты массового действия, реализующего некоторую воспроизводственную программу. Инверсия, отмечает учёный, проявляется в той или иной степени во всех культурах. При этом в культуре России наблюдается её гипертрофия, склонность массового сознания к крайностям, малая степень внимания и интереса к поиску меры в процессе осмысления и выработки решений.

В истории человечества А. С. Ахиезер фиксирует два основных типа ценностей, соотносённых с традиционной и либеральной цивилизациями. Россия в своём историческом развитии преодолела традиционализм, но не сумела преодолеть границу либеральной цивилизации. Это означает, что Россия занимает промежуточное положение между двумя цивилизациями: «Россия “застряла” между основными суперцивилизациями: традиционной и либеральной. Именно в этом промежуточном состоянии общества, достигшего цивилизационной значимости, и состоит её специфика» (Ахиезер 1994, 6). Исследование социокультурной динамики России привело А. С. Ахиезера к выводу, что динамика страны, находящейся между двумя типами цивилизации, приобрела в процессе истории саморазрушительный характер, в основе самобытности России лежит «раскол», который пронизывает культуру, социальные отношения,

личность, воспроизводственную деятельность. Раскол неотделим от господства инверсионного типа мышления: «Его суть — в оперировании готовыми результатами мышления, ранее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция, как система оппозиции: “добро — зло”, “правда — кривда”, “мы — они” и т. д. Инверсия выступает как поиск смысла того или иного явления посредством логически моментального перехода мысли от одного полюса оппозиции к противоположному» (Ахиезер 1994, 7).

Интерес в рассматриваемом вопросе представляет модель развития русской культуры, разработанная совместно Б. А. Успенским и Ю. М. Лотманом. Анализируя динамику русской культуры в период от становления до конца XVIII века, авторы отмечают: «Специфической чертой русской культуры <...> является её принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе её структуры» (Успенский 1994, 220). Развитие русской культуры строится не по принципу чёткого следования определённой ценностной структуре, а на ценностных оппозициях. К таковым оппозициям относятся следующие: «старое — новое», «Россия — Запад», «христианство — язычество», «знание — невежество», «правильная вера — ложная вера» и др. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «динамический процесс приобретает в этих условиях принципиально иной характер: изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа» (Успенский 1994, 221). Создаётся своеобразный эффект маятника, когда одна ценностно-смысловая крайность сменяется на свою противоположность. Исходя из этого, авторы заключают, что «для России — в разные исторические эпохи — не характерен консерватизм и, напротив, характерны реакционные и прогрессивные тенденции» (Успенский 1994, 222).

Развивая данную модель динамики культуры, Ю. М. Лотман вводит понятия «бинарного» и «тернарного» типов культуры. В бинарных культурах автор констатирует наличие противоположных ценностных полюсов, между которыми происходит развитие культуры. Бинарная культура развивается по принципу движения маятника, попеременно отвергая одни ценности и принимая противоположные. Маятниковые колебания, заложенные в природе бинарной культуры, обеспечивают частые и драматические «взрывы», т. е. переходные моменты, характеризующиеся резким противостоянием между двумя полюсами: «Здесь борющиеся тенденции вынуждены сталкиваться лицом к лицу, не имея

никакой третьей альтернативы. В этих условиях перемена неизбежно приобретает характер катастрофы» (Лотман 2002, 34). В такой ситуации переход является основным качеством культуры и определяет логику всего культурно-исторического процесса.

Альтернативным бинарному является тернарный тип культуры: «В подобных структурах взрыв не носит характера всеобщей катастрофы — в нём выделяется созидательная сила» (Лотман 2002, 34). В данном типе культуры между двумя противоположными полюсами возникают ценности, способные уравновесить противостояние и примирить антагонистические стороны. Возможность созидания новых срединных ценностей, способных примирить крайние точки зрения, исключает вероятность резкого столкновения. Динамика тернарной системы характеризуется постепенностью: «в критические, кризисные моменты, когда борьба между доминирующими силами заводит их в тупик, из которого они не могут найти выхода, и перед обществом начинает вырисовываться облик катастрофы, «третья сила» вдруг выходит на поверхность, уже достаточно созревшая и готовая занять исторически ведущее место» (Лотман 2002, 34). Главной особенностью тернарного процесса является его направленность на созидание и преобразование, постепенное и неразрушительное развитие. В качестве примера в рамках указанной модели её сторонники наиболее часто приводили культуру Западной Европы, способную на внутреннюю гармонизацию, преодоление крайностей и компромиссы, что обеспечивает спокойную динамику данной культуры, способной избегать травмирующих форм.

Отдавая дань уважения представленным учёным, отметим, что приведённые концепции, которые активно популяризировались в недавнем прошлом, во многом устарели и не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. В настоящее время мы можем с уверенностью говорить, что российское общество не расколото, в нём нет противостояния по принципу «за красных или за белых», крайности недавнего прошлого преодолены и полным ходом идёт консолидация, строительство нового культурного монолита, сильной многонациональной страны, государства-цивилизации с великой культурой и историей. При этом, если нам постоянно внушать, что мы, в отличие от спокойной Европы, способной не бросаться из стороны в сторону, противоречивы, бинарны, нестабильны и склонны к крайностям, это может иметь технологический эффект, проникая в сознание молодого

поколения, программируя неадекватное восприятие истории и неконструктивное поведение носителей отечественной культуры.

Напомним, что при всём многообразии теорий культурно-исторического процесса, взгляд на историю — это не произвольное или спекулятивное предпочтение какой-либо из них в угоду времени, это не подтасовка истории согласно сиюминутным нуждам и потребностям, — хотя такие явления, к сожалению, не редки. В изучаемом вопросе важно учитывать, что многие исследователи, занимавшиеся разработкой рассматриваемой сферы, создавали свои теории в особом историко-культурном и научно-интеллектуальном контексте, отражая актуальный взгляд своего времени, включая принятые на тот момент способы понимания культуры, её истории и своеобразия. На рождение соответствующих интерпретаций истории культуры влияют многие факторы, среди них — текущее состояние историко-культурной реальности, а также уровень развития философии истории и науки (включая отраслевое знание: археологию, искусствоведение, фольклористику, генетику и мн. др.). Сочетание данных факторов определяет выявление новых ритмик и закономерностей исторической действительности; изменение параметров понимания исторических эпох и векторов развития; изменение масштабов истории в пространстве, времени и по составу участников; смысловое наполнение прошлого, настоящего и будущего и многие другие грани историко-культурной действительности. *Меняется мир, уточняется и наше видение истории, включая историю культуры...*

С учётом указанных факторов в построении самых широких контуров исторического портрета культуры России вполне уместно использовать интегративный метод анализа её динамики, сочетая несколько подходов. *Большая история* может интерпретироваться посредством *макроцивилизационного анализа*, позволяющего выявлять ритмики культурно-цивилизационного уровня. Речь в первую очередь идёт о фиксации протоцивилизационных доминант Древнего мира и Средних веков внутри евразийского макрорегиона, расширяющих устоявшуюся традицию изучения истории культуры Отечества. Такой уровень охвата сопоставим с пониманием генезиса макрорегиональных миросистем (С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Ф. Бродель). *Макро- и внутрицивилизационный генезис* может быть раскрыт в рамках *общей исторического принципа смены периодов*. В отношении истории отечественной культуры значимыми маркерами выступают: понимание

древности в её постнеолитическом видении на уровне генезиса ранних культур и протоцивилизационных образований; интерпретация Средневековья — в рамках доминанты теоцентризма; интерпретация перехода к Новому времени основывается на аналогии с Ренессансом в Европе и ростом личностного фактора; фиксация Нового времени происходит в контексте роста тенденций Просвещения, основанных на разумной рациональности; выделение периода романтизма делается с опорой на феномен исключительной личности и фактор столкновения уходящих и нарождающихся форм рациональной культуры; период позитивизма выявляется посредством доминанты научного знания; переход к Новейшему времени фиксируется на уровне качественного роста модернизационных процессов; маркером Новейшего времени становится модерн, постмодерн и современность. Кроме того, внутрицивилизационные ритмики истории могут фиксироваться посредством *системно-синергетического способа* интерпретации её протекания. В данном аспекте в развитии тех или иных исторических образований значимую роль играет ритмика смены стабильных и переходных периодов.

В основу определения границ различных периодов может быть положен подход, предложенный А. М. Баткиным в отношении зависимости параметров тех или иных исторических периодов *от характера «исследовательской оптики»*, от того, что мы хотим увидеть, фиксируя разные историко-культурные целостности по тем или иным признакам, — их максимально полное выражение или разные степени концентрации (например, классическое Средневековье, или преобладание тенденций и характеристик указанного исторического типа культуры). Кроме того, значимость имеет проблема *синхронизации* различных периодов истории культуры России с общепринятыми на мировом уровне теориями; в первую очередь это касается интерпретации Древнего мира, а также Средних веков в рамках отечественной и европейской истории.

Наша история сложна и многообразна. Огромный ареал России включает множество *историко-культурных зон*, где существуют целые напластования различных культурогенетических слоев и исторических образований, — от древнейших обществ до ранних форм цивилизаций. Весь этот культурно-исторический капитал нередко оказывается отрезанным и незамеченным в ходе построения общего контура нашей истории. Порой её нижняя планка фиксируется лишь на уровне формирования государства

в IX веке, что по сути ровняет нашу древность с европейским Средневековьем. Однако мы можем опираться и на наиболее широкие пространственно-временные рамки истории культуры России, интегрируя в историко-культурную картину множество культурогенетических линий и регионов. Богатейшее историческое наследие России складывалось из многих траекторий, «ручeyков и рек», соотносимых с евразийским ареалом. Историческая миссия нашей страны заключается в способности объединять народы и культуры, принимать и интегрировать их достижения в общем пространстве. В указанном ракурсе несомненная и определяющая роль отводится русской культуре, выступающей в качестве объединяющего фактора, эфира, который обеспечивает общее культурное, ментальное, языковое, духовное, деятельностное и другие пространства, интегрируя целые народы и регионы, их достижения и историко-культурное наследие в единую семью государства-цивилизации.

Переходя к обзору исследований истории отечественной культуры, отметим, что историография данного вопроса весьма сложна и многообразна. Характерно, что в данной группе довольно размыты дисциплинарные рамки; соответственно, туда входят работы по истории, истории культуры, культурологии и др. Нередко учёные используют различный методологический и довольно пёстрый терминологический аппарат, характеризуя одни и те же историко-культурные состояния и процессы, что создаёт некоторые трудности в обозначении дисциплинарного статуса и содержания данных исследований.

Во-первых, значительный вклад в *развитие представлений о макроистории культуры, включая историю культуры России*, внесли многие историки и мыслители, которые выходили за рамки общепринятых дисциплинарных локаций исторической науки, тем самым войдя в плеяду представителей «истории мировой культурологической мысли». Примером названного исследовательского ракурса является фундаментальный труд немецкого историка О. Шпенглера «Закат Европы», увидевший свет в начале XX столетия. В теории О. Шпенглера макроисторический процесс предстал как синхронистическое и последовательное развитие отдельных «культурных организмов», проживающих свои жизненные циклы (примерно 1200–1500 лет). Данные организмы, по мнению О. Шпенглера, связаны между собой достаточно слабо и порой не в состоянии «понять» друг друга, так как каждая культура

имеет своё собственное мировоззрение, собственные страсти, стиль, чувствования, желания и ритм жизни. В теории учёного было уделено внимание и становящейся «русско-сибирской культуре». Характеризуя образ мира русской культуры, точнее её «гештальт», Шпенглер писал, что в его основе лежит «бесконечная равнина», образ былинного богатыря и братской любви. Ландшафт в русской культуре сливается с крышами поселений, продолжая отмеченную горизонтальную доминанту, так не свойственную культуре Западной Европы. Примечательно, что в теории Шпенглера нашло своё отражение и влияние процессов европеизации на русскую культуру, которую учёный именовал как «псевдоморфоз», исказивший её исконные основы.

Значимый вклад в развитие данной области знания внёс английский историк А. Дж. Тойнби, представивший мировую историю как сораствление локальных цивилизаций, взаимодействующих между собой и сменяющих друг друга в «потоке истории». В основе концепции А. Тойнби лежит ритмика рождения, роста, надлома (включая уходы и возвраты) и распада локальных цивилизаций. Однако фатальное действие данной достаточно простой регулярности А. Тойнби раскрепощает и усложняет при помощи включения в её пространство ритмик «вызовов» и «ответов». В трактовке автора «вызов» является собой потенциальное множество средовых и внутренних факторов (препятствий, трудностей) различной природы, с которыми сталкивается цивилизация в ходе своей истории. Преодоление «вызова» является жизненно необходимым для цивилизации и стимулирует её к развитию через «ответы». Наличие различных комбинаций «вызовов» и вариантов их решений делает генезис цивилизации уникальным и неповторимым, усложняя общую логику их роста, надлома и распада. Среди 21 цивилизации, которые фиксирует исследователь с опорой на культурно-религиозный признак, отводится место и православно-христианскому обществу, расположенному в Юго-Восточной Европе (Византия и её балканские преемники) и России (русская ветвь). Православная цивилизация России в таком ракурсе интерпретируется автором как уникальный тип, специфика которого оформилась во многом благодаря генетической связи с эллинской цивилизацией, особенностям природного (континентального) фактора, расширению земель, внутренней интеграции, непрерывному внешнему давлению и противостоянию с Западом.

Характеризуя следующий исследовательский ракурс, остановимся на макроисторических

теориях, в которых на историю культуры России делается отдельный акцент. В первую очередь в указанной области необходимо упомянуть имя Н. Я. Данилевского, автора труда «Россия и Европа», изданного в конце 60-х гг. XIX столетия. Учёный рассматривал историю в масштабах синхронистического развития различных народов (как правило, состоящих из множества народностей), формирующих соответствующие исторические типы культуры. Каждый исторический тип культуры, согласно исследователю, неповторим и уникален. Его появление связано с сочетанием ряда факторов, среди которых: наличие народа, объединённого единством языка и образа жизни; наличие политической свободы и государственности; реализация определённых деятельностных оснований, свойственных данному типу. Основу ритмик макроистории составляет выражение творческого потенциала отдельного народа, сопровождаемое необратимым процессом долгого роста, относительно короткого цветения, перелома и упадка его творческих сил. Рассматривая специфику «славянского культурно-исторического типа», Н. Я. Данилевский использует довольно широкие предметные рамки, включая изучение средового фактора и деятельностных оснований, политических и экономических аспектов, ценностно-смысловых и мировоззренческих компонентов. Сохраняя макроисторический уровень анализа, мыслитель раскрыл природу славянского культурно-исторического типа в соотношении разных граней общественной и культурной жизни. Для славянского типа, по мнению автора, характерна собственная органика, связанная с особенностями протяжённости территории, климатом, темпами жизни, этнографическим фактором, особенностями соседства с разными народами, спецификой традиций, религиозных оснований и многими другими обстоятельствами. Славянский культурно-исторический тип, указывал Н. Я. Данилевский, реализует весь спектр ведущих деятельностных оснований, которые, как правило, проявляются у других исторических типов частично. Среди них — собственно культурное, религиозное, политическое и общественно-экономическое. Будучи представителем позднего славянофильства, учёный писал о том, что Россия являет собой уникальный, самобытный тип культуры, выросшей в определённом ареале, на своей почве. Особое внимание мыслителя было уделено вопросу соотношения культуры России и Европы и выводу о том, что отечественная культура несводима к европейской и имеет корневые отличия от неё.

Данная традиция нашла своё отражение и в концепции К. Н. Леонтьева, предложившего рассматривать историю отдельных цивилизаций в организменном ключе, как «триединый процесс их развития», и рассматривавшего генезис русской культуры в данном контексте. Анализ истории русской культуры содержится в трудах Е. Н. Трубецкого, исходившего из ритмик истории, отражающих следование или отступление представителей различных культур от главной цели истории, которая заключается в строительстве «дома Божия». В этом же ряду отметим работы С. А. Франка, определявшего стержневую логику макроисторического развития культуры посредством ритмики её периодических подъёмов, расцветов и упадков (варварских состояний). В качестве ещё одного примера такого исследовательского ракурса приведём концепцию Н. А. Бердяева, в основу которой была положена логика сложного пульсирующего развития культуры, в глубине которой лежит ритмика изменений её творческого потенциала, включающая периодическую смену состояний роста, расцветов и упадков. Из более поздних авторов, работы которых включают изучение культуры России, в рамках теорий «большой истории» упомянем концепцию социокультурной динамики П. А. Сорокина, теорию этногенеза Л. Н. Гумилёва, концепцию системно-синергетической динамики культуры М. С. Кагана и др.

Продолжая обзор, отметим, что в исследовании историографии отечественной культуры, помимо макроисторического уровня, значимая часть работ носит специальный либо отраслевой характер. При этом указанная группа отличается дисциплинарной неоднородностью, многообразием способов фокусировки на историко-культурной реальности и масштабирования пространственно-временных параметров.

Отдельную группу исследований истории культуры формируют работы представителей *собственно исторической науки*. В первую очередь укажем, что в данной области знания находит своё проявление *отраслевой взгляд* на культуру, что выражается в сведении её к художественной культуре, интеллектуальной жизни, истории науки и техники. Кроме того, указанная тенденция проявляется во включении в сферу «культуры» повседневности и бытописательства. Порой материал различных разделов соответствующих трудов и учебной литературы носит избирательный характер и строится на том, что содержание «культуры» в те или иные эпохи соотносится с фольклором, мифологическими системами, либо академическим искусством,

жизнью элиты и другими гранями культуры. С одной стороны, в работах, созданных в данном ключе, проявляется фрагментарность понимания культуры и слабая выраженность макроисторической логики в изложении её динамики как целостного процесса. С другой стороны, многие авторы, не ставя себе цели максимально широкого охвата историко-культурной реальности в пространстве и времени, создают весьма авторитетные труды. Приведём в качестве примера труд отечественного историка И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии», увидевший свет в 60-е гг. XIX столетия.

Весьма интересную группу исследований в контексте *исторической науки* представляют труды, в которых осуществляется довольно широкий охват различных граней социокультурной реальности, что выражается как на макроисторическом уровне, так и на уровне анализа отдельных эпох. В качестве примера приведём работы Б. А. Рыбакова, а также труды, созданные под его редакцией, где историко-культурная реальность рассматривается довольно широко, порой без чёткого разграничения между историей в целом и историей культуры в частности. Такой уровень охвата истории включает в её ареал культуру в широком смысле этого слова, в том числе образ жизни, хозяйственные и производственные практики, состояние науки и техники и другие грани. Кроме того, в рассматриваемом векторе обращают на себя внимание работы историков, занимающихся комплексным изучением отдельных эпох в истории отечественной культуры. Показательными в данном вопросе являются труды А. А. Смирновой, посвящённые изучению советской культуры.

Следующее дисциплинарное направление, включающее изучение отечественной культуры, представляет *этнография*. В рамках данной области знания, особенно на протяжении XIX — первой половины XX столетия, был накоплен огромный пласт исследований традиционных культур всех народов, входящих в состав России, включая описание их образа жизни, хозяйственных, повседневных и праздничных практик, традиций, фольклора и других сфер. Данные исследования представляют собой бесценную сокровищницу, хранилище традиционного опыта и культурной памяти, зафиксированные путешественниками, миссионерами, учёными в контексте роста межкультурных контактов и надвигающейся модернизации. Среди такого рода исследований отметим труды Д. К. Зеленина по этнографии восточных славян, работы

В. Г. Богораза по культуре чукчей, исследования С. М. Широкогорова по культуре северных тунгусов и др. Из относительно новых работ приведём в качестве примера серию книг, выпущенных под эгидой Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН «Народы и культуры», в которой собраны исследования по культуре этносов, входящих в состав культуры России и территории бывшего СССР.

Следующую дисциплинарную локацию, где осуществляется изучение истории культуры России, представляет *фольклористика*. Будучи тесно связанной с этнографической традицией, указанная наука реализует два вектора изучения культуры, в зависимости от отраслевого и широкого понимания фольклора. В первом случае внимание сосредотачивается на особенностях художественного творчества представителей традиционных культур. Показательной в данном ракурсе является собирательская и просветительская деятельность общества любителей русской словесности, в частности труды П. В. Киреевского. В случае максимально широкой интерпретации фольклора, набирающей популярность с последней трети XX века, раскрывается специфика традиционных культур России, в контексте общей характеристики их образа жизни, мировоззрения и самых разных сторон деятельности, включая её материальные, духовные и художественные аспекты. Данный исследовательский ракурс содержится в работах Г. В. Косова, А. В. Юдина и др.

Значимый дисциплинарный вектор изучения истории культуры России представлен областью *искусствоведения*. Указанный исследовательский ракурс предполагает рассмотрение истории отечественного искусства в широком контексте, в рамках его интерпретации как особого маркера мировоззрения и социокультурных процессов, что делает такие исследования не только искусствоведческими, но и культурно-историческими. В рассматриваемой сфере обращают на себя внимание работы В. С. Турчина, посвящённые русскому романтизму, труды Е. Ф. Ковтуна, раскрывающие художественную природу отечественного авангарда, исследования Д. В. Сарабьянова, в которых осуществляется анализ культуры и искусства Серебряного века и авангарда.

Дисциплинарный вектор, имеющий с историей культуры массу точек пересечения, представляет *история литературы, лингвистический и филологический ракурс*. В указанной области исследований в первую очередь обращают на себя внимание работы М. М. Бахтина,

А. М. Панченко и Д. С. Лихачёва, в которых через призму русской литературы и языка осуществляется анализ специфики и исторического своеобразия отечественной культуры. Отметим также работы О. В. Богдановой, посвящённые анализу русского постмодерна в контексте литературного дискурса и др.

Весьма разнообразны и *сугубо культурологические ракурсы изучения истории культуры России*. Так, особую роль в изучении истории отечественной культуры играет максимально широкий охват её предмета, осуществляемый в рамках *деятельностного подхода*, разработчиками которого являются Э. С. Маркарян и М. С. Каган. Кроме того, среди значимых концепций выделяется группа теорий, в которых *особый акцент делается на динамику её ценностно-смыслового ядра*. В частности, согласно И. В. Кондакову, генезис русской культуры составляет циклическая последовательность развития её «смыслового конструкта». В истории русской культуры автор выделяет три таких цикла: «1) история древнерусской культуры (с дохристианских истоков по XVII век включительно); 2) история русской культуры Нового времени (XVIII–XIX века); 3) история неклассической русской культуры XX века (начиная с Серебряного века до начала постсоветской эпохи <...>)» (Кондаков 2002, 269). Каждый из отмеченных циклов представлен поочередно сменяющимися друг друга стадиями, включая стадии подъёма, кульминацию, кризис и спад. Конечная фаза цикла, в теории И. В. Кондакова, совпадает с зарождением и подъёмом нового витка истории культуры. В отмеченные периоды циклических переключений старые и новые тенденции русской культуры «... неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство “смысловой неопределённости”, в котором противоположности сосуществуют на равных» (Кондаков 2002, 269). Данные моменты в циклической ритмике истории русской культуры И. В. Кондаков называет «эристическими» эпохами.

В рамках акцента на ценностно-смысловых параметрах динамики отечественной культуры отметим также работы, выполненные в традиции *аксиологического подхода*, одним из ярких представителей которого является Д. С. Лихачёв. Указанный ракурс исследования носит весьма распространённый характер и обладает значительным воспитательным потенциалом, однако нередко вызывает критику у сторонников широкого охвата социокультурной реальности. Оппоненты аксиологического подхода отмечают фрагментарность исследований культуры

в данной традиции и свойственное аксиологам стремление изучать историю культуры, фокусируясь на её духовной стороне, художественных формах, наследии, интеллектуальном дискурсе, достижениях и некоторых других гранях. В тесной связи с аксиологическим подходом находится исследовательская традиция, в которой *акцент делается на динамике знаково-символической сферы культуры*, в частности её семиосферы. В указанном ракурсе, в первую очередь, обращают на себя внимание работы Ю. М. Лотмана и представителей московско-тартусской школы.

Другим способом «сжатия» социокультурной реальности в рассматриваемой исследовательской области является изучение истории культуры России в *антропологическом ракурсе*. Здесь обращают на себя внимание *исследования русской ментальности и национального характера*. В данном направлении интересны работы Г. П. Федотова и Д. С. Лихачёва. Ещё один ракурс изучения русской культуры в контексте антропологического измерения представляет *гештальт-культурология*. В центре внимания данного направления находится мировоззрение, «национальный образ мира», лежащий в основе культуры России. Несомненный интерес в данном векторе исследований представляют работы Г. Д. Гачева. Используя метод «вольноголюбомудра» и «интеллектуальных путешествий», Г. Д. Гачев «погружался» в когнитивное пространство различных культур, описывая их картины мира, чувства и особенности переживания реальности, создав цикл оригинальных трудов, объединённых под общим названием «национальные образы мира». Отдельное внимание учёный уделил культуре России, отмечая (порой в форме весьма оригинальных метафор) её горизонтальное бытие, доминанту пространства над временем, акцент на женское начало и естественность хода мировых процессов, устремлённость в бесконечность, глубокую духовность, выраженное чувство сопричастности и другие характеристики.

Представленный (при этом далеко не полный) спектр теоретико-методологических традиций, моделей, пространственно-временных и смысловых параметров изучения истории культуры России рождает очень пёструю исследовательскую палитру и определённые трудности в освоении указанного исследовательского массива. Упорядочение данного материала и его актуализация является важной задачей современных историко-культурных исследований. Сегодня чрезвычайно важен взгляд на историю культуры России в её целостности, с учётом многонационального

состава российского народа и государства-цивилизации, особенностей общероссийского культурогенеза, а также культурогенеза отдельных историко-культурных зон, регионов и этнокультур.

В рамках современных реалий теоретико-методологическая модель изучения истории культуры России должна включать системный анализ основных сфер культуры, а также синтезировать в себе макроисторический уровень и стадийный анализ мезоистории. В основу макроритмик историко-культурного процесса уместно положить принцип смены и синхронии культур и протоцивилизационных образований, их взаимодействия, преемственности и интеграции достижений. Стадийный характер и периодизация мезоисторических периодов может опираться на традиционную, общеисторическую модель деления истории на древнюю, средневековую, нововременную и новейшую. В пространственно-временные рамки указанной модели целесообразно включать максимально широкий охват географии современной России, а также некоторые территории, относящиеся к ареалу Российской империи, СССР и Евразийского экономического союза. История культуры России должна рассматриваться с учётом её целостности и сохранения инвариантных структур. Кроме того, необходимо уделять внимание вариативности истории, её феноменологии и своеобразию различных периодов. Структурную модель историогенеза культуры России желательно строить на широком спектре отраслей системы культуры, куда входят: 1) хозяйственно-экономическая культура (акцент делается на образе жизни и деятельности на основаниях культуры, на характеристике куль-

туры жизнеобеспечения); 2) политическая культура (рассматриваются основные ритмики и своеобразие политической истории, «большой истории»); 3) социальная культура (даётся характеристика общественных институтов и связей, особенностей семьи, сословий и других социальных иерархий); 4) духовная культура (рассматриваются особенности ценностно-смысловых аспектов культуры на различных этапах её генезиса; раскрывается специфика мифологической и религиозной форм мировоззрения, аксиосферы советского периода, а также современного этапа развития духовной культуры в России; уделяется внимание идеологическим основаниям отечественной культуры, приобретавшим различные формы в ходе истории); 5) художественная культура, включая фольклор и искусство (предпринимается анализ не только эстетических параметров данной сферы; искусство и фольклор раскрываются как маркеры мировоззрения, духовной культуры и других компонентов). В целом приведённые выше сферы необходимо рассматривать во взаимосвязанности и системной целостности. Их анализ на уровне разных периодов истории позволяет упорядочить культурно-исторический материал и придать ему единообразную форму и высокий уровень генерализации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Ахиезер, А. С. (1994) Самобытность России как научная проблема. *Отечественная история*, № 4–5, с. 3–25.
- Кондаков, И. В. (2002) О механизмах повторяемости в истории русской культуры. В кн.: Н. А. Хренов (ред.). *Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах*. М.: Наука, с. 269–283.
- Леонов, И. В. (2008) *Феномен «переходности» в макродинамике культуры: парадигмальное осмысление. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 233 с.
- Леонов, И. В. (2025) Когнитивные ловушки постмодернистских и конструктивистских моделей историко-культурного процесса. В кн.: *Пятый Санкт-Петербургский международный культурологический симпозиум «Культурология в пространстве гуманитарного знания»*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 125–126.
- Лотман, Ю. М. (2002) *История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры*. СПб.: Искусство—СПБ, 768 с.
- Успенский, Б. А. (1994) *Избранные труды: в 2 томах. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. М.: Гнозис, 429 с.

References

- Akhiezer, A. S. (1994) Samobytnost' Rossii kak nauchnaya problema [Russia's identity as scientific problem]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4–5, pp. 3–25. (In Russian)
- Kondakov, I. V. (2002) O mekhanizмах povtoryaemosti v istorii russkoj kul'tury [On the mechanisms of repetition in the history of Russian culture]. In: N. A. Khrenov (ed.). *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov: Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoj kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in a Situation of Changing Cycles: Interdisciplinary Aspects of Researching Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka Publ., pp. 269–283. (In Russian)
- Leonov, I. V. (2008) *Fenomen "perekhodnosti" v makrodinamike kul'tury: Paradimal'noe osmyslenie* [The phenomenon of "transition" in macrodynamics of culture: A paradigmatic interpretation]. PhD dissertation (Culturology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 233 p. (In Russian)
- Leonov, I. V. (2025) Kognitivnye lovushki postmodernistskikh i konstruktivistskikh modelej istoriko-kul'turnogo protsessa [Cognitive traps of postmodernist and constructivist models of the historical-cultural process]. In: *Pyatyj Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kul'turologicheskij simpozium "Kul'tu-rologiya v prostranstve gumanitarnogo znaniya"* [Fifth St. Petersburg international culturological symposium "Culturology in the space of humanitarian knowledge"]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 125–126. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury: Semiotika i tipologiya kul'tury. Tekst kak semioticheskaya problema. Semiotika bytovogo povedeniya. Istoriya literatury i kul'tury* [History and Typology of Russian Culture: Semiotics and Typology of Culture. Text as a Semiotic Problem. Semiotics of Everyday Behavior. History of Literature and Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB Publ., 768 p. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (1994) *Izbrannye trudy: V 2 tomakh. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works: In 2 volumes. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: Gnosis Publ., 429 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Иван Владимирович Леонов, SPIN-код: [2606-8163](#), ORCID: [0000-0003-0026-3807](#), e-mail: ivaleon@mail.ru
Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Author

Ivan V. Leonov, SPIN: [2606-8163](#), ORCID: [0000-0003-0026-3807](#), e-mail: ivaleon@mail.ru
Doctor of Culturology, docent, professor of the department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture